

84(2 P-4 кер.)

038

Огни Кузбасса

№ 1 / 2014

* * *

*На моей белоснежной Родине
Вихри всякие колобродили.
Посреди зимы морось-оттепель
Непогодушка завернет теперь,
Или стынь-мороз по-над пашнями
Грянет вдруг по-сибирски, по-нашему.*

* * *

*С пилой да рубанком, с топориком вещим,
Повсюду своим и повсюду нездешним,
Я брёл по родной, благодатной Сибири,
Меня беспризорные бабы любили,
А я перво-наперво – доброе дело,
Потом лишь Тургеневско-Бунинских девок
Я слушал напевы, стихи-переливы
И самым несчастным и самым счастливым.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ШАХТА, ШАХТА, МАЛАЯ ОТЧИЗНА...

Помню всегдашний упрёк поэтам Кузбасса, мол, живём в индустриальном крае, а вы пишете о природе, о любви, берёзках и цветочках. Где стихи о героической профессии, о шахтёрах? И действительно, отчасти вопрос и упрёк были справедливы. Но всё это происходило, по-моему, потому что настоящие поэты, а они всегда были в нашем крае, не могут писать о том, что не знают, или, зная, – неправду. Это недоехавшему или проезжему поэту из Москвы можно было бросить что-нибудь «нетленное» типа: «Через четыре года / Здесь будет город-сад!» Или совсем надуманное, как про детей в песочнице (о шахтёрах): «Порой копать в собственной душе / Мы забываем, роаясь в антраците». И пошли-поехали строчки письменно и песенно колесить по стране.

«Нравственность есть правда», – сказал наш современник, сибиряк, имея ввиду и то, что писатель, поэт должен отвечать за написанное.

В нашем шахтёрском крае появились и окрепли своим словом поэты-шахтёры: Дмитрий Клёстов, Николай Бацевич, Александр Курицын. Причастность к делу, превратившаяся в родство, даёт им право говорить открыто, с выстраданным знанием – с гордостью и горечью о шахтёрском труде.

Знаю, Дмитрий Клёстов шёл именно к этим стихам далеко не прямым и торным путём. Полнота жизни захлёстывала отзывчивый его талант.

* * *

*Я пас коров в березняке,
В крушинном логе.
Я ноги грел в коровяке,
Босые ноги.
В грозу от хлёсткого дождя,
Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.
Бурёнки, жертвуя собой,
Они, скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.
Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обзывал я их никак
И не дубасил*

И нужно было время, чтобы наметился основной вектор в его поэзии – шахтёрский. Но не подумайте, что я восхищаюсь узким специалистом, посвятившим себя целиком и полностью написанию стихов на заданную тему, а узкая специализация нынче особенно приветствуется – можно больше заработать. Здесь другое, о чём бы ни писал поэт Дмитрий Клёстов, работая в шахте или, выйдя на пенсию, рубя баньку или часовенку в тайге, он остаётся шахтёром, современником, рабочим человеком, закса такая.

*Мы в старую шахту пробились забоем.
Бабахнули взрывом над вечным покоем.*

Оказывается, «здесь золото рыли мятежные предки». Вот тесный штрек, вот тяжёлая тачка. Но концовка стихотворения высвечивает, как во мраке, горькую нашу историю:

*Балда деревянная, цепи, колодки,
А всё остальное, как в нашей проходке.*

А это уже наши дни, и опять они почему-то не слаще:

*Горловина смердящего кратера,
Исступленно разинутый зев.
А над ним – нелюбовь Богоматери
И Всевышнего истовый гнев.*

Или:

*Камыш и осока и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.*

Разные ипостаси лирического героя Дмитрия,
но тоже связанные с землёй, земные, насущные:

*Я копаю колодец насущный
С недокучливой песней щегла.*

И в другом стихотворении как продолжение, как
подтверждение кредо:

*Баньки русские рублю.
Для благого омовения
Нашей русской голытьбы.
И горжусь до умиления
Даром плотницкой судьбы.*

И кто ему запретит сказать правду, выстрадан-
ную, как подземный стаж, но не только для пенсии.

*Ущелье. Фабрика. И пруд.
Рудой груженные составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтёры медленно идут.*

Но и, вроде бы противоречиво, так нет! – от пол-
ноты ощущения жизни, глубоких размышлений о
своём труде, он говорит:

*Шахта, шахта, малая отчизна,
Вечный зов в чистилище её.*

Все теперь наперебой цитируют: «Когда б вы
знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая
стыда...» Но давайте не забывать, что стихи также
растут из ощущения нужности труда – для про-
должения рода, искренности молитвы, физиче-
ской радости (и не только для Олимпийских по-
бед, которые теперь уже всё чаще откровенно
ради денег). Труда, который отодвигается «со-
ром» всё дальше и дальше. А «сор» становится
всё воинственнее и воинственнее. И, слава Богу,
что поэту Дмитрию Клёсову из старинного си-
бирского города Гурьевска хватает мужества ска-
зать своё крепкое слово.

Сергей ДОНБАЙ

